

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТРАЖЕНИЕ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

1

Социалистическое Отечество в опасности!

Ленинский Декрет о мире предлагал всем народам и правительствам воюющих государств немедленно заключить перемирие и приступить к переговорам о всеобщем мире без аннексий и контрибуций. Одинаково враждебно встретили рождение первого в истории социалистического государства правящие круги стран Антанты и Четверного союза, но реакция их на советское предложение о мирных переговорах была различной. Это объяснялось стратегическим положением двух противостоявших блоков на завершающем этапе первой мировой войны.

Кайзеровская военщина и на востоке и на западе топтала чужую землю, однако соотношение сил, особенно в связи с перспективой прибытия во Францию крупных контингентов американских войск, было явно не в пользу германских империалистов. Материальные и людские ресурсы Германии и ее союзников — Австро-Венгрии, Болгарии и Турции — истощались. В прекращении военных действий на Восточном фронте и переброске максимума дивизий на Западный фронт для нанесения решающего удара кайзеровская ставка видела единственную возможность добиться победы. Э. Людендорф, осуществлявший стратегическое руководство вооруженной борьбой в рамках всего Четверного союза, позднее отмечал: «Мы вновь, как в 1914 и 1916 году, могли ставить перед собой задачу разрешения войны посредством наступления на суше» Русская армия к ноябрю 1917 г. сковывала на фронтах свыше 80 германских дивизий, что составляло треть кайзеровских войск, и 44 австро-венгерские дивизии, то есть почти половину войск «двуединой» монархии. Поэтому германское правительство и ставка незамедлительно дали указание командованию восточного фронта о заключении перемирия с рурскими войсками².

После отказа контрреволюционных генералов ставки выполнить приказ Советского правительства начать переговоры о перемирии В. И. Ленин 9 (22) ноября 1917 г. обратился к солдатам и матросам с призывом не дать «сорвать великое дело мира» и непосредственно во фронтовых частях вступать в переговоры о перемирии³. 11 (24) ноября он проинструктировал отъезжавших на Северный фронт уполномоченных Совнаркома Н. В. Крыленко и А. А. Иоффе о ведении переговоров с германским командованием⁴. 15 (28) ноября Владимир Ильич предложил генералу старой армии С. И. Одинцову прислать свои сооб-

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2. М., 1924, с. 114.

² См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов, т. 1. М., 1968, с. 6—7.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 82.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 50.

ражения «о перемирии (определение линии фронта, условие о неотводе войск на другие фронты, меры контроля и так далее и т. п.)...» Ломая сопротивление реакционных офицеров, меньшевиков и правых эсеров, «солдатские мирь» под руководством большевиков один за другим заключались дивизиями, корпусами и армиями, а затем подкреплялись соглашениями о перемирии во фронтовых масштабах.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры об общем перемирии между Советской Россией и странами Четверного союза, завершившиеся 2 (15) декабря подписанием договора о прекращении военных действий². Достигнутое перемирие значительно укрепляло как внутреннее, так и международное положение Советского государства. Оно облегчало триумфальное шествие Советской власти и первые шаги социалистического строительства, еще более сплачивало рабоче-крестьянские массы вокруг большевистской партии и служило вдохновляющим примером для трудящихся зарубежных стран в борьбе за мир.

Правящие круги США, Англии и Франции в своих антисоветских планах основную ставку делали на то, чтобы не допустить выхода России из войны и задушить социалистическую революцию в нашей стране рукой германской военщины. В условиях игнорирования ими неоднократных мирных предложений Советского правительства 9 (22) декабря 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры о мире с делегатами Четверного союза. На мирную конференцию советская делегация прибыла с тщательно разработанной под руководством В. И. Ленина программой ведения переговоров. В решении Совета Народных Комиссаров по этому вопросу было указано: «Инструкция о переговорах — на основе «Декрета о мире»³. Советская внешняя политика в единоборстве с империалистическими хищниками должна была искусно сочетать твердость в принципиальных вопросах с умением лавировать и всячески использовать в интересах защиты социалистического Отечества противоречия в лагере империалистов, не поддаваться на их провокации.

Учитывая рост революционных и антивоенных настроений в своих странах, представители Четверного союза из тактических соображений пошли вначале на признание принципов демократического мира. Однако уже 5 (18) января 1918 г., воспользовавшись отказом Антанты присоединиться к переговорам, германская делегация потребовала признать право кайзеровской военщины на оккупацию Поляны, части Прибалтики и Белоруссии, то есть территорий площадью более 150 тыс. кв. км. Причем вопрос о границе южнее Брест-Литовска германская делегация оставляла открытым до своих переговоров с представителями буржуазно-националистической Центральной рады⁴. Возглавлявший германскую делегацию статс-секретарь ведомства иностранных дел Р. Кюльман позднее признавал, что обширная программа аннексий по расчетам кайзеровской ставки должна была «обеспечить пространство для передвижения германского левого крыла в следующей войне с Россией»⁵. Оценивая сложившуюся обстановку, В. И. Ленин писал: «...у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум... либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир...»⁶

Прогрессирующий развал фронта, самодемобилизация личного состава целых частей и соединений и невозможность в условиях тяжелой хозяйственной разрухи и страшной усталости народных масс в кратчайший срок создать новую рабоче-крестьянскую армию требовали принятия аннексионистских

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 7.

² См.: Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 47.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 461 (примеч. 50).

⁴ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1. М., 1920, с. 126, 130.

⁵ К н Ы т а п п К. Еппегипген. *Hel(leiBer^*, 1948, 8. 517.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 245.

притязаний германского империализма. В донесении в Наркомвоен из Ставки от 4 (17) января 1918 г. подчеркивалось: «Массы с глубокой уверенностью ожидают, что ведущиеся теперь мирные переговоры завершатся благоприятным концом, вылившись в форму окончательного мира, солдаты ждут его во что бы то ни стало... вполне определенно заявляют, что воевать больше они не будут» Острый продовольственный кризис, переживаемый всей страной, особенно болезненно сказывался на фронте. Председатель комиссии по снабжению армий Северного фронта Калашников 18 (31) января сообщал в Наркомвоен: «Северный фронт накануне голода, нет муки, зерна, хлеба. Голодная армия скоро покинет фронт»². При общем многократном уменьшении численности боевого состава действующей армии и повсеместном падении воли к сопротивлению в случае наступления противника особо тревожное положение создавалось непосредственно на линии фронта. Уже в начале января 1918 г. начальник штаба главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич телеграфировал Советскому правительству: «Многие участки фронта совершенно оставлены частями и никем не охраняются. При таких условиях фронт следует считать только обозначенным. На поддержку резерва рассчитывать почти не приходится из-за причин нравственного порядка — части не желают выдвигаться вперед... У громадного большинства солдат одно желание — уйти в тыл»³.

Таким образом, вопрос о войне и мире Советскому государству приходилось решать в условиях полного военного превосходства со стороны австро-германского блока. Несмотря на распространение в кайзеровской армии антивоенных и революционных настроений, в целом она продолжала оставаться послушным орудием в руках своих генералов. Прокатившаяся по Германии и Австро-Венгрии волна забастовок и демонстраций не означала еще начала революционного взрыва. 18 января Кюльман запрашивал Берлин, окажет ли разрыв мирных переговоров влияние на внутреннее положение Германии и какой тактики в связи с этим придерживаться. Ответ рейхсканцлера Г. Гертинга гласил: «Проводить тактику в соответствии с положением на месте, не считаясь с сегодняшним положением внутри страны»⁴.

Против единственно правильного в этих условиях ленинского курса на заключение мира при одновременной подготовке революционной войны в защиту социалистического Отечества выступили «левые коммунисты» с требованием продолжения войны, вплоть до утраты Советской власти в интересах «подталкивания международной революции». С ними смыкался Троцкий, выдвинувший авантюристическую формулу «ни войны, ни мира». Вскрывая всю пагубность позиции «левокоммунистической» оппозиции и Троцкого, В. И. Ленин подчеркивал, что политика войны подорвет союз рабочего класса и крестьянства, она означает падение «в ловушку, расставляемую нам империалистами, которые желают *втянуть* нас в продолжение *империалистской* войны... и *разгромить* возможно более дешевым путем молодую республику Советов»⁶. Сохранение же ее являлось высшим интернациональным долгом коммунистов и всех трудящихся России. В результате мира, основанного на империалистических противоречиях, они получали «известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции»⁶.

Особое значение в срыве мирных переговоров и подготовке нападения на Советскую страну правящие круги Германии придавали сговору с буржуазно-националистической Центральной радой. Перспектива получения продовольствия в результате оккупации и ограбления Украины должна была, по их мнению, приглушить недовольство народных масс политикой антисоветской агрессии и не допустить выхода из войны Австро-Венгрии, где особенно остро

¹ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 462, л. 22.

² ЦГАСА, ф. 1, оп. 4, д. 33, л. 1.

³ Бонч-Бруевич М. Д. Век власти Советам. М., 1964, с. 231.

⁴ Советско-германские отношения... т. 1, с. 269.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 254.

⁶ Там же, с. 250.

ощущалось приближение голода. 27 января (9 февраля) 1918 г. делегаты Центральной рады, уже изгнанной из Киева, подписали в Брест-Литовске предварительный договор со странами Четверного союза, в котором обязались предоставить «излишки» сельскохозяйственных продуктов, причем в порядке предварительного соглашения речь шла о поставках до 31 июля 1918 г. миллиона тонн хлеба

Кайзеровские генералы получили столь желанную для них возможность заговорить «категорическим языком». Проводимая советской делегацией тактика затягивания переговоров в надежде, что революционный взрыв на Западе освободит от необходимости удовлетворить наглые требования германских империалистов, полностью себя исчерпала. Возглавлявший советскую делегацию на заключительной стадии переговоров Троцкий имел четкое указание В. И. Ленина держаться до ультиматума, после чего «совершенно определенно мир подписать»². Однако, вопреки директиве правительства, Троцкий 28 января (10 февраля) заявил, что Советская Россия, отказываясь от подписания аннексионистского договора, состояние войны считает прекращенным и проводит полную демобилизацию армии³. Его преступный демарш полностью отвечал планам германских империалистов. Представитель ведомства иностранных дел при штабе восточного фронта К. Лерснер отмечал: «...для нас вообще не могло произойти ничего более благоприятного, чем решение Троцкого»⁴. Дезорганизацию фронта усугубил инспирированный Троцким приказ главкомверха Н. В. Крыленко о всеобщей демобилизации армии, отмены которого В. И. Ленин потребовал у Ставки всеми имеющимися способами⁵.

Еще до предъявления аннексионистских требований на мирной конференции кайзеровская ставка поставила перед командованием восточного фронта (главнокомандующий генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский, начальник штаба генерал М. Гофман) задачу подготовки военного нападения на Советскую Россию и прежде всего стратегической наступательной операции на петроградском направлении. К концу января она была разработана под кодовым названием «Фаустшлаг» («Удар кулаком») и предусматривала наступление из района Риги вдоль железной дороги на Венден (Цесис) — Валк (Валга) — Псков при одновременном вторжении на материковую часть Эстонии с Моонзундских островов. К середине февраля 1918 г. завершились оперативно-организационные мероприятия по подготовке германских войск к оккупации Белоруссии и Украины. Генерал Э. Людендорф в докладной записке кайзеру Вильгельму II мотивировал цели предстоящей кампании возможностью нанести большевикам смертельный удар, укрепить внутривосточное положение Германии и вывести на Восток крупные силы для достижения победы на Западе. Для подготовки и развертывания антисоветской интервенции использовалась группировка сил, сложившаяся в ходе мировой войны. В феврале 1918 г. на восточном фронте оставалось германских 50,5 пехотных и 9 кавалерийских дивизий, австро-венгерских 13 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Предполагалось также после заключения мира с Румынией выделить часть войск из группы армий генерал-фельдмаршала А. Макензена. Всего же Четверной союз имел на Востоке 92,5 пехотных и 18 кавалерийских дивизий⁶. На левом крыле восточного фронта, от Рижского залива до района Слонима (исключительно), была развернута группа армий генерал-фельдмаршала Г. Эйхгорна. В нее входили германские 8-я и 10-я армии и армейская

¹ См.: Советско-германские отношения... т. 1, с. 298—308; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936, с. 20—21.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 30.

³ См.: Мирные переговоры в Брест-Литовске, т. 1, с. 208.

⁴ Советско-германские отношения... т. 1, с. 321.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 364.

⁶ К середине марта 1918 г. здесь оставалось 54 дивизии и 13 бригад Германии численностью свыше 1 млн. человек и 26 австро-венгерских дивизий (более 250 тыс. человек).

"группа «Д», имевшие 24 пехотных и 4,5 кавалерийских дивизий. В центре фронта находилась группа армий генерала А. Линзингена, насчитывавшая германских 15,5 пехотных и 4,5 кавалерийских дивизий и австро-венгерских 5 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Правое крыло фронта составляла 8-я австро-венгерская армия (германских 11 пехотных и австро-венгерских 8 пехотных и 1 кавалерийская дивизии) под командованием генерала Э. Бен-Эрмоли, оперативно связывавшая фронт с группой армии Макензена.

Германское военное и политическое руководство было убеждено, что беспорядочное отступление остатков старой русской армии, сопряженное с большими людскими и материальными потерями, оккупация Прибалтики войсками группы армий Эйхгорна и Белоруссии смежными флангами обеих групп армий с выходом интервентов к Нарве и к «Смоленским воротам» (междуречье Днепра и Западной Двины) и создание непосредственной угрозы захвата Петрограда и Москвы приведут к падению Советской власти и заключению мира с марионетным буржуазным правительством. 13 февраля в Гамбурге на совещании представителей правительства и верховного главнокомандования Вильгельм II подчеркивал: «Дойти до Нарвы: отсюда вести переговоры с Петербургом... свергнуть большевиков, если хотим иметь инструмент мира» В расчете на непрочность Советской власти германское командование считало возможным добиться ее свержения без захвата Петрограда и Москвы. К тому же оно боялось сопротивления и революционизирующего влияния трудящихся масс Центральной России, которые серьезно сказались бы на боеспособности войск, перебрасываемых на Западный фронт, ускорили бы распространение идей Октября в самой Германии². Но при определении линии наибольшего продвижения на петроградском и центральном (в Белоруссии) направлениях кайзеровские генералы учитывали перспективу последующего вторжения в глубь страны и стремились к созданию выгодных плацдармов. Особое значение они придавали тому, чтобы, подавив пролетарскую революцию в Финляндии, из районов Нарвы и Выборга держать «русскую столицу в клещах». В полосе группы армий Линзингена и на правом крыле фронта с последующим его развертыванием до Черного моря наступление германских и австро-венгерских войск должно было продолжаться до полной оккупации Украины и сопредельных с нею районов Белоруссии и РСФСР при максимально возможном продвижении в южном и юго-восточном направлениях для захвата источников продовольствия и сырья, обеспечения коммуникаций при вторжении на Кавказ и последующей экспансии в Среднюю Азию и бассейн Индийского океана³.

Антисоветское наступление подготавливалось германскими империалистами и было осуществлено как коалиционная война Четверного союза с привлечением всех возможных сил внутренней контрреволюции. Ее составной частью явилась германо-турецкая интервенция в Закавказье. С санкции Берлина 12 февраля 1918 г. начали наступление в полосе Кавказского фронта 5 турецких дивизий⁴, действовавших, по оценке английского резидента генерала Денстервиля, «в сущности, в качестве немецкого авангарда»⁵. В Берлине и в ставке особое внимание обращали на участие в интервенции Австро-Венгрии. По свидетельству Людендорфа, он «поддерживал непрерывные сношения» с начальником австро-венгерского генерального штаба генералом

¹ Советско-германские отношения... т. 1, с. 327—328.

² Гофман М. Записки и дневники 1914—1918 гг. Л., 1929, с. 240; Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2, с. 133; Фон-Куль и Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935, с. 54.

³ См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2, с. 132; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов), с. 71—72; Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений. М., 1956, с. 133-138.

⁴ См.: Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960, с. 43-44.

⁵ Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918. (Воспоминания). Тифлис, 1925, с. 2.

фон-Арцом, чтобы «добиться необходимого согласования для предстоявших совместных действий. Но император Карл неожиданно отказался, так как он не хотел разочаровывать народ тем, что мир с Россией не состоялся»

18 февраля германские войска перешли в наступление на всех трех стратегических направлениях, а австро-венгерские остались на исходных позициях. Однако нажим со стороны более сильного империалистического партнера и желание приложить руки к ограблению Украины преодолели колебания правящих кругов «лоскутной монархии». 28 февраля 6 австро-венгерских дивизий также перешли в наступление на одесском направлении. В качестве активного пособника германского империализма при оккупации Белоруссии выступил 1-й Польский корпус. По соглашению между Довбор-Мусницким и Гофманом легионеры были обязаны содействовать германским войскам в овладении Минском и перерезать на участке Могилев — Жлобин важнейшую рокадную железнодорожную магистраль Петроград — Киев — Одесса². На Украине в подчинение кайзеровских генералов поступали остатки войск Центральной рады численностью около 2 тыс. человек, находившиеся в районе Житомира³.

Военная интервенция, развязанная кайзеровской Германией, представляла смертельную опасность для Советского государства. Вдохновителем и организатором трудящихся масс на отражение империалистического нашествия, на революционную защиту завоеваний Великого Октября, суверенитета и территориальной целостности страны явились Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным. Предпринимая дипломатические усилия по предотвращению войны, а затем к выходу из нее, когда авантюристическая политика «левых коммунистов» и Троцкого открыла дорогу кайзеровской интервенции⁴, Коммунистическая партия и Советское правительство в то же время делали все возможное для поддержания боеспособности войск на фронтах, эвакуации в тыл военного имущества из наиболее угрожаемых участков, ускорения формирования Красной Армии и повышения обороноспособности страны в целом⁵. В соответствии с постановлением Совнаркома о принятии экстренных мер по «обороне от прорыва к Питеру»⁶ главковерх Н. В. Крыленко 30 декабря 1917 г. (14 января 1918 г.) послал войскам Северного фронта телеграмму, в которой поставил перед ними задачу «преградить неприятелю доступ к жизненным районам Республики — Петрограду, Ревелю и Смоленску»⁷. Затем начальник штаба главковерха М. Д. Бонч-Бруевич приказал штабам Северного и Западного фронтов (штабы Юго-Западного и румынского фронтов оказались под контролем Центральной рады и корниловцев) организовать оборону на стратегически важных направлениях, заменив жидкий кордон «групповым расположением» еще сохранивших боеспособность войск⁸. Под председательством В. И. Ленина Совнарком 15 февраля заслушал доклад П. Е. Дыбенко «Стратегическое положение на море в случае активных действий Германии», а 17 февраля коллегия Наркомвоенмора направила Центробалту директиву о мерах обеспечения «безопасности подступов с моря к столице» и выведению кораблей Ревельской военно-морской базы в Гельсингфорс (Хельсинки)⁹.

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2, с. 137.

² См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 1. М., 1963, с. 294—296.

³ «Архив русской революции», т. 1. Берлин, 1922, с. 290.

⁴ См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 1, с. 517—536; История внешней политики СССР, т. 1. М., 1976, с. 51—52.

⁵ См.: Кляцкин С. М. На защите Октября, с. 45—140; Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии, с. 123—217.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 181.

⁷ Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.), т. 1, с. 37.

⁸ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 107, л. 437, 439—440; Крах первого нашествия империалистов на Страну Советов, с. 68—69.

⁹ См.: Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Л., 1968, с. 95, 97—98. Гельсингфорс был избран промежуточным пунктом из-за нехватки ледоколов для проводки су-

Однако ни времени, ни сил для создания устойчивой обороны даже на важнейших операционных направлениях не было. Наступление германских войск, повсеместно вызвавшее активизацию внутренней контрреволюции, в первые дни нигде не встретило сколько-нибудь организованного отпора. 18 февраля М. Д. Бонч-Бруевич из Ставки (Могилев) телеграфировал в Наркомвоен: «По сообщению дежурного по телеграфу ст. Двинск сегодня около 16 часов ст. Двинск занята без боя германскими войсками. Штаб 5-й армии захвачен, гарнизон разбежался. Удалось вывезти около 600 вагонов, остальные, а равно 15 паровозов осталось вследствие того, что был взорван путь»². В разговоре по прямому проводу с Московским Советом 20 февраля В. И. Ленин указывал: «Армии нет; немцы наступают по всему фронту от Риги. Взят Двинск и Режица...»³. В Минске в ночь на 20 февраля контрреволюционным элементам удалось вооружить около 2 тыс. плененных советскими войсками польских легионеров и захватить власть. 21 февраля туда вошли германские войска⁴. При объяснении причин оставления Минска без вооруженного сопротивления на подступах к городу главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников отмечал, что наиболее боеспособная часть, имевшаяся в его распоряжении, — отряд под руководством В. В. Каменщикова в ночь на 19 февраля в районе Осиповичи подвергся внезапному нападению польских легионеров и понес значительные потери. Днем 19 февраля обозначилась угроза Минску с трех направлений: со стороны Молодечно, района Замирье-Погорельцы и Воложина. «Его маленький гарнизон, — писал Мясников, — не был в состоянии задержать наплыв германо-польских банд, с другой стороны, город находился под угрозой быть отрезанным со стороны Борисова. Ввиду этого Совет Народных Комиссаров Западной области и штаб фронта постановили эвакуироваться в Смоленск под прикрытием остатков Минского гарнизона»⁵.

На Украине главный удар германские войска наносили на Киев, продвигаясь из района Ковеля вдоль железнодорожных магистралей на Сарны — Коростень и Луцк — Ровно — Шепетовка — Бердичев и кавалерией с броневыми автомобилями по шоссе Луцк — Ровно — Житомир. 18 февраля они заняли Луцк, 20-го — Ровно, 21-го — Новоград-Волынский, 24-го — Житомир⁶.

Разрозненное сопротивление немногочисленных красноармейских и красновардейских отрядов, некоторых частей старой армии быстро преодолевалось подвижными авангардами противника в составе 1—2 батальонов пехоты от каждой дивизии, усиленных артиллерией, броневыми автомобилями, кавалерией и самокатчиками, за которыми подтягивались основные силы. При отступлении остатки старой армии понесли огромные потери в личном составе и военном имуществе. По данным германского командования, к началу апреля интервентам удалось захватить штабы 4 армий, 5 корпусов, 17 дивизий и многих полков, свыше 82 тыс. солдат и офицеров, около 800 тыс. винтовок и 10 тыс. пулеметов, 4381 орудие, 1203 миномета, 152 самолета, 1273 автомобиля, 100 млн. патронов, около 3 млн. снарядов, 2100 паровозов, около 30 тыс. вагонов, 63 тыс. повозок, 1705 походных кухонь и 13 тыс. лошадей⁷. Вскрывая причину трагедии старой русской армии, В. И. Ленин говорил: «Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, — это как

дов прямо в Кронштадт; М о р д в и н о в Р. Н. Курсом «Авроры». Формирование Советского Военно-Морского Флота и начало его боевой деятельности (ноябрь 1917 — март 1919 гг.). М., 1962, с. 60.

¹ См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.), т. 1, с. 54—58.

² ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 474, л. 22.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 341.

⁴ См.: Победа Советской власти в Белоруссии. Минск, 1967, с. 386—387; ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 16, л. 235.

⁵ ЦГАСА, ф. 39242, оп. 1, д. 3, л. 1.

⁶ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 87, л. 140; Г у к о в с к и й А. И. Вторжение немцев в Страну Советов в 1918 году.— «Исторические записки», 1942, № 13, с. 11—12.

⁷ ЦГАСА, ф. 6, оп. 12, д. 17, л. 89.